

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВ
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В статье, опираясь на источники личного происхождения, дается характеристика экстремальным военно-полевым условиям жизни казаков во второй половине XIX – начале XX в. Автор приходит к выводу, что независимо от места службы казакам приходилось выживать и приспосабливаться к суровым военно-полевым условиям жизни, стойко переносить все тяготы походов и ужасы боев, оставаться сильными духом и телом.

Ключевые слова: казачество, экстремальность, повседневная жизнь, военно-полевая повседневность.

Казачество, оформившееся к XIX веку в особое военное сословие, выполняло важную социальную функцию – несение военной службы. Большая часть жизни казаков проходила в экстремальных походных условиях, что, естественно, отразилось на их социальном поведении и повседневной жизни.

Экстремальность как часть повседневной реальности, как этнически маркированный вид жизнедеятельности обладает признаком «крайне сложных условий существования или деятельности» [1, с. 6] и обычно ассоциируется в сознании людей с катастрофами, войнами, насилием, бедствием и другими трагическими образами человеческого существования. Однако экстремальность имеет и оборотную сторону – проявление стойкости, мужества, героизма, помощи и т. д. [2, с. 4].

Цель данной статьи – показать экстремальность военно-полевых условий жизни и приспособляемость к ним казаков, их выносливость и сохранение силы духа.

Вопросы военной повседневности поднимаются такими отечественными исследователями, как А.С. Сенявский [3], Е.С. Сенявская [4], Е.Ф. Кринко [5], Т.П. Хлынина [5] и другие. В литературе по истории казачества освещаются статистические сведения по казачьим войскам, военные операции, сражения, в которых участвовали казаки. Военная же повседневная жизнь отражена поверхностно.

Материалом для изучения военной повседневности казаков стали источники личного происхождения: дневники, письма, воспоминания, которые характеризуют военные будни казаков, их участие в походах, содержат подробное описание военных действий и дают необходимую информацию для анализа психологии военного времени и эволюции личности в экстремальных условиях.

Экстремальность военно-полевой службы казаков независимо от места ее прохождения проявлялась в необходимости адаптации к суровым климатическим условиям.

Войсковой старшина Кубанского казачьего войска Орлов с воодушевлением опи-

* © Годовова Е.В., 2015

Годовова Елена Викторовна (godovova@mail.ru), кафедра российской истории, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1; кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Академия при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал), 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, 26.

сал связь казака и природы: «...безграничная ширь степей, дремучие леса, горные трущобы — вот где постоянный дом казака; ветер и вьюга поют ему песни, дождь его умывает, а солнышко сушит и греет. Дитя природы, казак закалил себя в общении с нею, он свыкся с ее явлениями, умеет применяться к ним...» [6, с. 86].

Действительно, климатические условия не всегда были благоприятны. В Присырдарьинском крае летом воздух горяч и удушлив, а ночи холодные. Осенью дуют сильные ветры. Зима продолжительная и суровая. Весна была бы лучшим временем года, если бы не разлив Сыр-Дарьи, в результате которого в воздухе распространялись болотные испарения [7, с. 20], и не холодные ночи.

Спасти от простуды в холодное время года (когда не было возможности развести огонь) казаки могли, делая энергичные движения или устраивая «могилы для живых» (так называет эти укрытия в своей рукописи оренбургский казак Н.В. Агапов): «Пошла *непогодь*, дождь и холодный ветер нас стал пробирать порядком, так зуб на зуб не попадает. Спешимся и бегом — не берет пот, а пробирает дрожь. «Стой, ребята, рой могилы для живых!» Остановились и начали копать песок, который оказался весьма теплый, потому что от солнечного сияния весьма нагревается и не скоро *холодает*. Вырывши всякий для себя могилу, и стреножили лошадей и всякий свою лошадь держа за повод, лежа в могиле, зарывшись по шейку, только головы *наружы*» [9, Л. 104].

С неблагоприятными климатическими условиями встретились казаки и на Дальнем Востоке. Зимой стоял двадцатипятиградусный мороз с сильным ветром. Почти у всех казаков и офицеров на головах были надеты китайские зимние шапки с меховыми наушниками и китайские меховые шубы, которые благодаря своим размерам были удобны для езды верхом, а в длинные рукава можно было прятать руки от мороза и обходиться без перчаток. Двигаясь шагом, казакам приходилось то и дело соскакивать с лошадей, чтобы ходьбой согреть замерзшие ноги [10, с. 44]. Летом часто шли дожди. Трехверстный спуск с перевала сотни казаков прошли цепями, утопая местами по колена в грязи, заливавшей за голенища сапог. К 11 часам ночи отряд отошел на 9 верст от перевала и остановился в д. Тальгемори, где было лишь несколько фанз (тип традиционного жилища, распространенный в Китае, Корее и на Дальнем Востоке России у коренных народов. — *Е. Г.*). Крытых помещений не хватало. Ночь была проведена в лужах под непрерывным ливнем, с трудом поддерживаемые костры почти не обогревали казаков [10, с. 190]. Наоборот, в Среднеазиатской степи в жаркое время года казакам не удавалось уберечь лицо от солнечных ожогов, и оренбургский казак Н.В. Агапов пишет: «Вот и мое развлечение: по *чисту* полю и по сыпучим пескам да и гоняйся в поле за ветром с растресканной *от жару рожей* и облупленным носом все лето до самой осени» [9, Л. 141].

Суровостью отличался и кавказский климат. Зимой — дикая стужа, снег в три сажени высотой, каменные норы курдов без окон и дверей, нечем топить. Обозы стоят неизвестно где, занесенные снегом. Тропа — в один конь. Ф.И. Елисеев отмечает в своих тетрадах: «Много пройдено дорог, дорожек и козых троп храбрыми казачьими полками по турецкому бездорожью, и пройдено не только в седле, но и пешком, порою в суровые зимние стужи, бураны и гололедицу. Держались за стремя своего коня или даже за хвост, когда полки шли на крутые подъемы, растянувшись колонной в один конь на многие версты» [11, с. 7].

Суровые стужи приводили к гибели казаков. Так, во время штурма крепости Эрзерум один из батальонов донских пластунов, застигнутый снежной вьюгой, в одну ночь потерял около 500 казаков замерзшими и обмороженными. Всего же из 14 450 человек убитых, раненых и пропавших без вести при взятии Эрзерума 6 000 было обморожено. Возвращавшиеся с передовых позиций по пробитой в снегу тропе

45 казаков провалились в ущелье и были засыпаны снегом [11, с. 8]. Зимние стужи приводили к обморожениям конечностей, которые спасали от ампутации, смазывая их гусиным жиром (если, конечно, была возможность найти гусей) [11, с. 54]. Окопавшихся от холода казаков натирали спиртом, поили коньяком и ромом. Чтобы согреть себя, казаки боролись, устраивали кучу-малу. Офицеры и солдаты 6-й Кавказской стрелковой дивизии, сменившей пластунов на этой позиции в конце декабря 1916 года, рассказывали, что находили с весенним талым снегом отдельных казаков и группы при боевом снаряжении, завернутых в бурки, занесенных ранее снегом на своем сторожевом посту.

У одного пластуна-линейца была найдена записка в стволе винтовки следующего содержания: «Долго стрелял и никто меня не услышал. Погибаю за Родину, как часовой...» [11, с. 8–9].

Казак Ф.И. Елисеев, давая описания походных условий жизни, говорит: «На войне так привыкаешь к всевозможным лишениям и к ненормальной жизни, чему в мирное время ужаснулся бы» [11, с. 71].

Суровые климатические условия сопровождались нехваткой продовольствия.

Во время похода 1851 г. к Каспийскому морю, преследуя адаевцев, оренбургские казаки оказались без провианта: «выдавали сухарей в сутки на человека *по полуфунта* и щепоть круп, а потом дошло до того — стали выдавать по четверти фунта сухарей. Добыть негде, аулы бежали все к морю, нет никакой добычи, кроме степной дичи» [9, Л. 177]. Отправленный в Илецкую Защиту за провиантом Агапов получает муку и раздает ее местным жителям, они пекут хлеб и делают из него сухари для отряда [9, Л. 170].

Начальники отрядов также командировали артельщиков для закупки порционного скота, при этом приходилось точно рассчитывать его количество [9, Л. 140]. «Мясное довольствие производилось на отпускаемые деньги от казны сначала подрядным способом, а затем попечением самих частей», но неудобство закупки порционного скота, по словам есаула В. Водопьянова, заключалось в разбросанности кочевий киргизов и в необходимости заготовки большого количества сена для кормления скота в зимнее время [7, с. 20]. Заметим, что лучшим временем для подножного корма считался апрель, к концу мая пастбища выгорали — и «степь принимала вид безотрадной пустыни» [7, с. 129].

Казак Забайкальского казачьего войска, повествуя об участии казаков в Русско-китайской войне, отмечал их необеспеченность довольствием и фуражом: «Они живут многие месяцы, добывая себе, как Робинзон, пропитание. Великой удачей для них было, когда случайно проходящая часть оставляла им несколько сухарей да горсть чая, больше давать не могли, так как через 10–15 верст есть еще 4 заброшенных казака, которые тоже нуждаются. Многие из них месяцами не имели мяса. Между тем наступали холодные осенние ночи, нужно было подумать о теплой одежде. Будучи слишком малы, они поневоле избегали располагаться в китайских разоренных деревнях, где труднее оберегаться от случайных нападений, а предпочитали строить себе шалаши в стороне. Многие же посты на севере были оставлены просто в открытом поле» [10, Л. 129].

Казак Донского войска Бахтуров в своих воспоминаниях о Первой мировой войне пишет, что в первые месяцы окопной войны люди питались мясом в полном объеме, забивали армейский скот и скот, брошенный жителями, бежавшими подальше от фронта, но зимой питание кончилось, не хватало ни хлеба, ни мяса, ни крупы, большая часть жила впроголодь. Давали в неприкосновенный запас двести грамм галет на сутки, но они были настолько жесткие, что их и в воде не размочишь и жевать не разжуеть, зубы не берут» [13, Л. 19].

Не в лучших условиях в годы Первой мировой войны находились и казаки, служившие на Кавказском фронте. Так, казак Ф.И. Елисеев пишет, что казаки, расположившиеся в селе Диза, жили либо в ханах-трущобах, либо под открытым небом, несмотря на то, что снег начал падать с 24 октября и шел каждый день. Начавшаяся холодная и бездорожная зима сопровождалась отсутствием хлеба и фуража. «Зерно стало лакомством для лошадей. Его делили казаки жменями» [11, с. 42–43], – пишет он в своих воспоминаниях.

Бывали, однако, и такие военные дни, когда можно было хорошо поесть.

Один из них описывает донской казак С. Полушкин в своих воспоминаниях, когда 4 октября 1877 года отмечали полковой праздник лейб-гвардии казачьего Его величества полка. На празднике присутствовал сам Августейший главнокомандующий, Его Императорское Величество Великий князь Николай Николаевич Старший в мундире лейб-гвардии казачьего полка. Его сопровождали свита и иностранные представители. Между барачных бараков были накрыты столы для почетных гостей и офицерского состава. И несмотря на походную жизнь, обед для нижних чинов вышел вполне праздничным: на белых скатертях, разостланных на земле, красовались бутылки с местным вином и водкой, яйца, жареные гуси и утки, белый хлеб и прочие яства [14, с. 106–107].

Редкие сытные дни надолго запоминались: «Мы ели горячий борщ из казачьего котла, потом пили чай, а дождь стучал по палатке, но нам тепло, тепло на душе...», – пишет Ф.И.Елисеев [11, с. 37].

Экстремальность условий походной жизни усугублялась отсутствием воды.

Планы Средней Азии постоянно уточнялись, так как источники высыхали, их могло занести песком, более того, киргизы «заскверняли» колодцы «всякой нечистой, бросали в них собак и падаль дохлого скота»; выжигали степь, обрекая лошадей и верблюдов на «бескормицу» [9, Л. 66, 85 – 85 об., 173–173 об.]. В таких условиях хорошего командира, начальника, заботящегося о нижних чинах, всегда отличает умение найти источник с хорошей водой и расчистить его при необходимости. Если встречались «*копони* с позеленевшей и покрытой *мохом* водой», их расчищали и давали время, чтобы вода «устоялась» [9, Л. 54]. Не всем начальникам удавалось обеспечить взвод/роту хорошей водой. Оренбургский казак Николай Агапов в отличие от других всегда проявляет целеустремленность в поиске воды, твердость в переговорах с вожатыми киргизами, которые могут указать путь к источникам. «Я со взводом казаков отправился вверх по оврагу *Джебыске* и в верстах 15^{ти} от назначенного места нашел *сочущуюся* из горы воду. Приказал разрыть *оную*, и что же оказалось – из горы вдруг потекла ручьем холодная и вкусная вода.<...> И этот ручей прошел вниз по оврагу в достаточном количестве, вновь приобретенный и очень вкусный» [9, Л. 68 об.–69, 91].

Казаки вынуждены были делать запасы воды, для этой цели использовались флаги, турсуки (кожаные меха) и кубышки. Самыми вместительными были очень прочные «кубышки хивинской породы», в них можно было налить семь ведер воды [9, Л. 192], перевозили такие кубышки на верблюдах. Помимо этого казаки при движении по «безводным пространствам» практиковали разделение на несколько отрядов, двигались к одной цели двумя, а иногда и пятью маршрутами; если колодец оказывался маловодным – вода выдавалась порциями с соблюдением очереди между частями [7, с. 99].

Отставной казак Оренбургской станицы генерал-майор Гавриил Васильевич Карманов отмечал, что в Киргизской степи изменение климата и употребление непривычной воды вызвало у казаков заболевание цингой. Половина людей умерла, а выжившие вернулись домой без зубов и с обезображенными челюстями [15, с. 56–57].

Перебои с провиантом и водой, неправильно приготовленная еда влекла за собой желудочно-кишечные расстройства. Николай Агапов отмечает: «Был остаток ячменя, который парили в котлах и ели, но без привычки открылся с нами понос и рвота, да спасибо нашему вожатому киргизу: он научил нас, как готовить в пищу ячмень. Его нужно поджаривать в котлах, котлы сначала нужно смазывать курдючным салом, и несколько положить этого же сала и зажарить, а потом толочь в корыте, и как слезет *челуха* (шелуха. — Е. Г.), потом проветрить и варить с мясом. И что же? Оказалась пища очень вкусная — вот нужда и научит, как хлеб есть» [16, с. 59]. «Хотя теперь мяса вдоволь: баранов много, целые тысячи, любого режь да на здоровье ешь. Но без соли и без хлеба на *тощой* (пустой. — Е. Г.) желудок жирное мясо казалось хуже кислого кваса. На каждого молодца торопливо делали гонца — во все стороны понос и рвота, да и служебная забота. Кумызу (кумыс. — Е. Г.), спасибо, было много, тем и подкрепили расстроенный желудок» [16, с. 59].

Какие-либо лекарственные средства казаки не использовали, умеренность в еде, очевидно, была единственным эффективным способом справиться с диареей и рвотой.

Из-за отсутствия тепла невозможно было соблюдать необходимые гигиенические требования. Высокая влажность и низкая температура подрывала здоровье людей. Распространилось массовое заболевание малярией и другими болезнями. Малочисленный медицинский персонал — санитары, фельдшеры — не имели достаточно медикаментов: применяли порошки хины, а наружно смазывали йодом» [13, Л. 20], — отмечает казак Бахтуров. Все это не способствовало сохранению здоровья людей, и крепкий организм казака, способный побороть лишения, не противостоял первым спутникам отсутствия гигиены — вшам. Вошь разъедала тело, и людям казалось, что они разлагаются по суставам. Спасаться от них люди пытались с помощью горячей воды, где замачивали свою одежду, и костров, в которые стряхивали снятую одежду [13, Л. 21]. В пустынях, где не было воды, каждые три дня казаки прожаривали свою одежду на солнце или над костром. При отсутствии воды устраивали «сухую баню» — валялись в мелком песке обнаженными и обтирались суконкой на ветру. Брились даже в условиях окопной войны: безбородые — «свинячим образом» — подпаливая отросшую на щеках щетину и стирая ее мокрым полотенцем, а бородатые — лезвием боевого конца шашки, подвешенной за темляк [18, с. 11–12].

Итак, военно-полевые условия жизни были поистине экстремальными. Независимо от места службы казакам приходилось выживать и приспосабливаться к суровым погодным условиям, терпеть холод, переносить голод и жажду, стараться не болеть либо лечиться самостоятельно, бороться с кожными паразитами. Они стойко переносили все тяготы походов и ужасы боев и на протяжении XIX — начала XX века оставались «сильными духом и телом» [19, с. 35].

Библиографический список

1. Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / сост. И.А. Морозов; отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Индик, 2007.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. 2-е изд. М.: Психологическая Ассоциация, 2008.
3. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 3. С. 197–211.
4. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-политические очерки. М., 1997.
5. Повседневный мир советского человека: сб. науч. ст. / под. ред. Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлыниной. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2009.

6. Обзор Кубанской области: по поручению Наказного Атамана Кубанского казачьего войска ген.-лейт. Бабыча / сост. П. Орлов; под ред. И.И. Кияшко. Екатеринодар, 1911.
7. История 6-го Оренбургского казачьего полка / сост. В. Водопьянов. М., 1996.
8. Отдел рукописей РНБ. Ф. 550 (ОСРК) Р. IV. 829.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 169. Оп. 1.
10. Первый Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк / сост. А.Е. Маковкин. СПб., 1907.
11. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М.: Воениздат, 2001.
12. Дюма А. Кавказ / пер. с фр. Тбилиси: Мерани, 1988. С. 83.
13. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 8.
14. Дневник донского казака С.П. Полушкина. 1877–1878 гг. СПб., 1880.
15. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 2. Оренбург, 1904.
16. Записки Н.В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Научная публикация и исследование текста / сост. И.А. Филиппова, Е.В. Годовова, С.А. Моисеева. Оренбург, 2013.
17. Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. 2. СПб: Издание Кн. В. Мещерского, 1879.
18. Мовчан А.С. Казаки (быт и традиции). Ростов н/Д.: НПК «Гефест», 2004.
19. Колпикова Е.Ф. 300 писем расстрелянного есаула. М.: РИПОЛклассик, 2009.

References

1. Men's collection. Issue 3. Man in an extreme situation. Compiler I.A. Morozov, N.L. Pushkareva (Ed.). M., Indrik, 2007 [in Russian].
2. Magomed-Eminov M.Sh. Phenomenon of extremality. 2nd edition. M., Psikhoanaliticheskaia Assotsiatsiia, 2008 [in Russian].
3. Senyavsky A.S., Senyavskaya E.S. Military daily life as a subject of historical research: theoretical and methodological problems, 65 years of the Great Victory: in 6 Vols. M., 2010, Vol. 3, pp. 197–211 [in Russian].
4. Senyavskaya E.S. Man in war. Historical and political essays. M., 1997 [in Russian].
5. Everyday world of Soviet man: Collection of research papers. E.F. Krinko, T.P. Hlynina (Ed.). Rostov n/D., IuNTs RAN, 2009 [in Russian].
6. Review of the Kuban Region: on the instruction of Nakaznoi Ataman of Kuban Cossack Army general-lieutenant Babych. Compiler P. Orlov. I.I. Kijashko (Ed.). Ekaterinodar, 1911 [in Russian].
7. History of the 6th Orenburg Cossack regiment. Compiler Cossack captain V. Vodopyanov. M., 1996 [in Russian].
8. Department of manuscripts of the National Library of Russia. F. 550 (OSRK). R.IV. 829 [in Russian].
9. State archive of the Orenburg Region (GAOO). F. 169. Op. 1 [in Russian].
10. First Nerchinsk regiment of transbaikalian Cossack army. 1898–1906. Historical sketch. Compiler A.E. Makovkin. SPb., 1907 [in Russian].
11. Eliseev F.I. Cossacks on the Caucasian front. 1914–1917: Notes of the colonel of Kuban Cossack army in 13 (thirteen) booklets-notebooks. M., Voenizdat, 2001 [in Russian].
12. Dumas A. Voyage to the Caucasus / transl. from French. Tbilisi, Merani, 1988, pp. 83 [in Russian].
13. State archive of the Volgograd Region (GAVO). F. R-1474. Op. 1. D. 8 [in Russian].
14. Diary of the Don Cossack S.P. Polushkin. 1877–1878. SPb., 1880 [in Russian].
15. Materials on historical and statistical description of the Orenburg Cossack Army. Issue 2. Orenburg, 1904 [in Russian].
16. Notes by N.V. Agapov: from the marching life of the Orenburg Cossacks. Scientific publication and investigation of text. Compiler: I.A. Filippov, E.V. Godovova, S.A. Moiseeva. Orenburg, 2013 [in Russian].

17. Collection of military stories, compiled by the officers–participants of the war of 1877–1878. Vol. 2. SPb., Izdanie Kn. V. Meshcherskogo, 1879 [in Russian].

18. Movchan A.S. Cossacks (way of life and traditions). Rostov n/D, NPK «Gefest», 2004 [in Russian].

19. Kolpikova E.F. 300 letters of the gunned down Cossack captain. M., RIPOLklassik, 2009 [in Russian].

*E.V. Godovova**

**DAILY LIFE OF COSSACKS IN THE EXTREME FIELD CONDITIONS
(THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY – EARLY XX CENTURY)**

The characteristic to extreme field conditions of Cossack life in the second half of XIX and in the beginning of XX century referring to the sources of personal origin is given in the article. The author comes to the conclusion that irrespective of the service place, cossacks had to survive and adapt to severe field conditions of a life, to overcome all burdens of campaigns and horrors of fights strongly, to remain strong in the mind and body.

Key words: Cossacks, extremality, daily life, field daily life.

Статья поступила 27/III/2015.

The article received 27/III/2015.

* *Godovova Elena Viktorovna* (godovova@mail.ru), Department of Russian History, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation; Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg branch), 26, Kuracha Street, Orenburg, 460000, Russian Federation.